

- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku* [Introduction to grammatical semantics]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Полинская 1986 — Полинская М. С. Диффузные глаголы в синтаксисе эргативных языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1986. [Polinskaya M. S. *Diffuznye glagoly v sintaksise ergativnykh yazykov: Avtoref. kand. diss.* [Diffuse verbs in the syntax of ergative languages. Author's abstract of the cand. diss.]. Moscow: Institute of Linguistics, Academy of Sciences of the USSR, 1986.]
- Creissels 2014 — Creissels D. P-lability and radical P-alignment. *Linguistics*. 2014. Vol. 52. No. 4. Pp. 911—944.
- Grimshaw 1990 — Grimshaw J. *Argument structure*. Cambridge (MA): MIT Press, 1990.
- Haspelmath 1991 — Haspelmath M. On the question of deep ergativity: The evidence from Lezgian. *Papire zur Linguistik*. 1991. Vol. 44/45. Pp. 5—26.
- Haspelmath 1993 — Haspelmath M. More on the typology of inchoative/ causative verb alternations. *Causatives and transitivity*. Comrie B., Polinsky M. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1993. Pp. 87—120.
- Shibatani 2002 — Shibatani M. Introduction: Some basic issues on the grammar of causation. *The grammar of causation and interpersonal manipulation*. Shibatani M. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2002. Pp. 1—22.
- Vendler 1957 — Vendler Z. Verbs and times. *The philosophical review*. 1957. Vol. 66. Pp. 43—160.

I. Bornkessel-Schlesewsky, A. L. Malchukov, M. Richards (eds.). Scales and hierarchies: A cross-disciplinary perspective. Berlin: Mouton de Gruyter, 2015. 356 p. (Trends in Linguistics 277). ISBN 978-3-11-0344000-4*.

Антон Владимирович Циммерлинг

Anton Zimmerling

Московский педагогический государственный университет, Москва, 119991, Российская Федерация; Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Российская Федерация; fagraey64@hotmail.com

Moscow State Pedagogical University, Moscow, 119991, Russian Federation; Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russian Federation; fagraey64@hotmail.com

Рецензируемое издание посвящено статусу грамматически релевантных шкал и иерархий, таких как иерархия одушевленности Силверстайна [Silverstein 1976], иерархия доступности Кинена — Комри [Keenan, Comrie 1977], гармонизированные падежные фильтры Дж. Айсена [Aissen 2003] и т. п. в современных концепциях лингвистической типологии и общей грамматики. Под релевантностью в данном случае понимается ситуация, когда от выбора некоторого значения, например, значения «3 л.», или значения «одушевленность», или значения «прошедшее время» и т. п., предположительно являющегося элементом некоторой шкалы референциально-дейктических значений, зависит выбор формы или категориального значения иного типа (например, именным вершинам или местоимениям приписывается винительный или эргативный падеж) или разных комбинаций морфосинтаксических признаков (например, выбор между падежно оформленным и падежно неоформленными именем, между структурой с эксплицитно выраженным согласованием и структурой без него и т. п.). В общей форме можно согласиться с автором гл. 4, М. Сисоу (M. Suisouw), который утверждает, что шкалы признаков эксплицируют соотношение между формой и функцией в языке; правда, модель шкалы, которую предлагает этот автор, вызывает вопросы, о чем см. ниже. В равной мере можно согласиться и с авторами гл. 5 С. Кайне (S. Keine) и Г. Мюллером (G. Müller) и автором гл. 6 Й. Троммером (J. Trommer), которые полагают, что описание в терминах шкал эксплицирует взаимодействие между разными механизмами грамматики

* Рецензия написана при поддержке проекта Министерства образования и науки Российской Федерации № 2685 «Параметрическое описание грамматических систем».

и словарем. Больше сомнений вызывает стремление авторов гл. 7 М. Ричардса (M. Richards), гл. 8 П. Бискупа (P. Biskup) и Г. Цыбатов (G. Zybatow) и гл. 9 Я. Хамана (J. Hamann) доказать, что механизмы формального синтаксиса изначально гармонизированы с иерархиями референциально-дейктических и функционально-семантических категорий, но возможен и такой подход. Многообразие подходов объясняется тем, что лингвисты, использующие признаковые шкалы и иерархии, придерживаются разных взглядов на структуру грамматики и соотношение общей и частной грамматики. Поэтому для проверки валидности шкал нужны методы, не зависящие от выбора той или иной доктринальной теории (framework). В этой связи уместна предпринятая авторами гл. 2 Б. Биккелем (B. Bickel), А. Вицлак-Макаревич (A. Witzlak-Makarevich) и Т. Захарко (T. Zacharko) попытка методами математической статистики доказать, что признаковые шкалы вообще лишены предсказательной силы.

В основном в книге обсуждаются референциальные и функционально-семантические шкалы, опирающиеся на структуралистское понятие маркированности (markedness), см. общие замечания на с. 10—11, и гораздо реже — шкалы, опирающиеся на когнитивное понятие выделенных значений (prominence); в качестве примера последних рассматривается шкала переходности Хоппера — Томпсона — см. [Hopper, Thompson 1980: 276—277]. Шкалы референциальных и функционально-семантических категорий, первоначально полученные путем наблюдений за данными ограниченного числа языков или даже одного отдельно взятого языка, в исследованиях последних десятилетий нередко вводятся в качестве априорных принципов или признаются статистически общезначимыми тенденциями. Полемика вокруг статуса референциальных и функционально-семантических шкал и возможностей верификации гипотез об их универсальности часто совмещается с полемикой между сторонниками и противниками гипотезы об универсальной структуре фразовых категорий: среди авторов разделов рецензируемой книги есть и те, и другие. Обещанная в подзаголовке междисциплинарность мимолетно возникает лишь в заключительной главе, где сделан экскурс в область нейролингвистики и выдвинут тезис о том, что «шкалы выделенности играют ключевую роль в процессе восприятия языка в режиме реального времени, особенно — в том, что касается определения ролей и степени их соответствия прототипам»¹ (с. 345). Большинство разделов книги можно читать, не задумываясь над этой перспективой, так как в них обсуждается не восприятие языка, а порождение правильно построенных грамматических выражений.

Как известно, в теоретической лингвистике используются как иерархические концепции, предполагающие поуровневое порождение и распознавание языковых структур (ср. классический структурализм и модель «Смысл ↔ Текст» [Mel'čuk 1995]), так и концепции, предполагающие взаимодействие параллельно работающих модулей: некоторые из концепций последнего типа обсуждаются в рецензируемой книге, особенно подробно — в гл. 5, 6, 7 и 9. Применяя данное разделение к рецензируемой книге как носителю лингвистической информации, мы замечаем, что она явно построена по модулярному принципу, и перед читателем встает непростая задача гармонизировать выводы авторов, придерживающихся противоположных точек зрения. Первая глава — «Введение», совместно написанная тремя редакторами-составителями, И. Борнкессель-Шлезевски (I. Bornkessel-Schlesewsky), А. Л. Мальчуковым (A. Malchukov) и М. Ричардсом (M. Richards), преувеличивает тематическое единство последующих. Сама книга дает ключ для проверки — в кратком указателе (с. 353—356) встречаются термины, не упоминающиеся за пределами одного-двух разделов, ср. «дефектный зонд», «матрица несходства», «прото-роль» и т. п. Нет и общего списка литературы, что, впрочем, является чисто техническим замечанием, поскольку пересечения между списками литературы отдельных глав очевидны. Тем не менее, главы книги легко разбить на несколько блоков.

Две главы — гл. 2 «Типологические свидетельства против универсальности влияний референциальных шкал на падежные стратегии» и гл. 4. «Обобщая шкалы» — предлагают математический аппарат для количественного анализа данных и проверки гипотез

¹ Перевод наш. — А. Ц.

о предполагаемых скалярных эффектах в языках мира, при этом выводы авторов этих глав противоположны. Б. Биккель и его соавторы в гл. 2 стремятся доказать, что шкалы типа иерархии Сильверстайна лишены предсказательной силы, а схождения между языками мира в плане дифференцированного маркирования агенса и пациенса можно объяснить ареальными контактами или генетическим родством. Напротив, М. Сисоу в гл. 4 утверждает, что шкалы — правильный инструмент для описания соотношения формы и функции, а вводимое им понятие «обобщенной шкалы» (*generalized scale*), описывающей соотношение формальной и функциональной шкал, примерно соответствует математическому понятию «матрица несходства» (*dissimilarity matrix*, с. 73).

Пять глав могут быть отнесены к исследованиям в области формальных моделей языка (здесь рецензенту не всегда хватает устоявшихся русскоязычных терминов). В данный блок входят гл. 5 «Кодирование аргументов при помощи операции *Impoverishment*» (С. Кайне и Г. Мюллер), представляющая собой попытку синтеза дистрибутивной морфологии М. Халле и А. Маранца [Halle, Marantz 1994] с теорией оптимальности, гл. 6 « $\emptyset$ -согласование в языке туркана» (Й. Троммер), написанная с позиций формальной модели [Stump 2001], где признаются всего две стадии «озвучивания» абстрактных морфосинтаксических признаков — так называемые «словарная вставка» (*vocabulary insertion*) и «лицензирование нулевой формы» ($\emptyset$ -licensing), а также три главы, написанные с позиций минималистской программы Н. Хомского и разъясняющие одно из центральных понятий данной доктрины — отношение между зондом (*probe*) и мишенью (*goal*), операцию *Agree* — см. гл. 7 «Дефектное *Agree*, падежные альтернативы и выделенный статус лица» (М. Ричардс), гл. 8 «Префиксы, шкалы и теория грамматики» (П. Бискуп и Г. Цыбагов), и, наконец, гл. 9 «Кодирование аргументов в системах с категорией версии и референциально мотивированное *Agree*» (*Argument encoding in Direction systems and Specificity-Driven Agree*, Я. Хаман).

Два раздела — гл. 10 «К типологии расщепленной эргативности: роль ТАМ-иерархии для расщепленной стратегии кодирования» (А. Л. Мальчуков) и гл. 11 «Падежные системы с расщепленным кодированием единственного участника» (*Split Marked-S case systems*, К. Хандшу (С. Handschuh) — связаны с качественной оценкой признаков иерархий как механизмов, релевантных для морфосинтаксиса избранных классов языков мира. Авторы этих глав концентрируются не на поиске исключений из иерархий, а на выявлении релевантных для их диагностики областей. А. Л. Мальчуков полагает, что введение общей иерархии видо-временных и модальных категорий «Императив → Футурум → Презентс → Имперфект → Аорист → Результатив» позволяет успешно предсказать вероятность маркирования актанта винительным либо эргативным падежом в ряде языков с расщепленной эргативностью (с. 285), при этом охваченный материал позволил ему ограничиться введением единой иерархии ТАМ для всех изученных языков. В статье К. Хандшу рассмотрен иной класс языков — языки с расщепленным кодированием единственного участника, при этом материал подтолкнул исследователя к иному выводу. Хандшу показывает, что все случаи расщепленного приписывания ненулевого показателя именительного падежа в зависимости от граммы лица, различия местоименных и неместоименных актантов, типов клауз, грамматического рода актанта в каждом конкретном языке с расщепленным кодированием единственного участника удовлетворительно описываются иерархией того или иного вида. Однако введение универсальной иерархии доступности для всего описываемого класса языков, по мнению автора главы, заводит в тупик: если механизм приписывания нулевой формы именительного падежа в языке L_1 четко описывается действующей в нем иерархией граммем грамматического рода, неясно, зачем объединять ее с иерархией клауз или иерархиями местоименных и неместоименных выражений, действующими в языках L_2 , L_3 (с. 319). Против обобщенных шкал, объясняющих распределение элементов более чем одной грамматической категории, выступают также авторы гл. 2. (с. 11).

В более общей форме данная проблема поднята в краткой гл. 3 «Дескриптивные шкалы и сравнительные шкалы», написанной М. Хаспельматом (М. Haspelmath). Автор предостерегает против того, чтобы «дескриптивные» шкалы, полученные путем эмпирических

наблюдений над конкретными языками, смешивались со «сравнительными», представляющими собой индуктивные обобщения, а последние проецировались в формальные модели языка и обретали там статус универсалий (с. 52). Непосредственной мишенью критики здесь служат Дж. Айссен и другие авторы, абсолютизирующие эффекты выделенных шкал. Признавая справедливость этого замечания, укажем, что использование Хаспельматом термина «comparative» в значении ‘типологический’, ср. comparative notions в значении ‘категории, необходимые для сопоставительного и/или типологического описания языков’, comparative scales и т. п. неудачно и создает лишние аллюзии, поскольку термин «comparative» имеет устойчивое и давнее употребление в значении «сравнительно-исторический», «относящийся к процедуре анализа генетического родства между языками».

Последняя глава, гл. 12 «Шкалы в процессе восприятия языка в режиме реального времени. Обзор» И. Борнкессель-Шлезевски (I. Bornkessel-Schlesewsky) и М. Шлезевски (M. Schlesewsky), возвращает к проблеме универсальности шкал. Бегло обсуждая тестовые примеры на английском, немецком, японском и китайском языках, авторы делают упор не на своеобразии материала, а на предположительно общих когнитивных механизмах определения семантики ролей участников ситуации и степени их соответствия прототипическим манифестациям данных ролей. Глава, скорее, намечает новую перспективу, чем подытоживает содержание предыдущих разделов, где шла речь не о восприятии, а о порождении языковых структур. Впрочем, сам факт включения шкал референциальных, семантических и смешанных семантико-синтаксических категорий в такие формальные модели языка, как минимализм (ср. гл. 7—9) отчасти подтверждает когнитивную ориентацию последних. По крайней мере, такую версию предлагают их сторонники в рецензируемой книге (с. 176, 224).

Каждая глава — серьезное исследование, заслуживающее критического чтения, особенно в связи с тем, что авторы глав старательно избегают прямой полемики друг с другом. В порядке дискуссии рецензент выражает свое субъективное мнение о том, что авторам гл. 2, несмотря на новаторское применение алгоритмов логистической регрессии к данным выборки языков (с. 23, 35—38), не удалось доказать свой программный тезис о том, что ареальные и генетические связи языков предсказывают явления дифференцированного маркирования пациенса и агенса лучше, чем постулируемые предшественниками универсальные иерархии (с. 40). Во-первых, это связано с особенностями выборки. Авторы опираются на ранее выдвинутую гипотезу Б. Биккеля [Bickel 2013] о том, что в каждой языковой семье есть предрасположенность либо к соответствию, либо к несоответствию шкале («each family is biased towards fitting the scale as opposed to not fitting the scale», с. 22), поэтому предсказываемое шкалой сходное распределение падежных маркеров в конкретных языках может объясняться также генетическим родством и ареальными контактами между ними. В двух ареалах, Евразии и Сахуле (Австралия и Южная Гвинея), налицо возмущающий фактор — языковые контакты и генетическое родство языков, однако базиса для проверки не существует, так за пределами этих ареалов пока не выделено сопоставимого числа хорошо документированных падежных систем с дифференцированным маркированием аргументов. Поэтому отсутствие положительной корреляции между предсказаниями шкалы Силверстайна и статистикой Биккеля, Вицлак-Макаревич и Захарко не доказывает, что наблюдаемое распределение лучше объясняется альтернативной гипотезой об ареальных и генетических связях языков выборки: для доказательства нужна вторая, контрольная, выборка, а также более подробное обоснование того, как именно при подсчетах формализуется упомянутая на с. 24 гипотеза о предрасположенности языковой семьи к не-/соответствию шкале, учитываются ли разные темпы развития языков и т. п. Во-вторых, совершенно неочевиден выбранный Биккелем и соавторами критерий фальсификации тезиса об универсальной значимости шкал: неясно, на чем основано представление о том, что если S — универсально значимая шкала, ее эффекты должны проявляться автоматически на любой большой (в несколько сот языков) выборке языков мира и не погашаться возмущающими факторами. Несмотря на перечисленные выше вопросы, данная глава производит впечатление одной из наиболее фундаментальных.

Неопределенность остается и после прочтения гл. 4 об обобщенных шкалах, которые автор главы, М. Сисоу, объявляет лучшим инструментом для описания соотношения формы и функции в языке. Лингвистически содержательная интерпретация того, что представляет собой обобщенная шкала, улавливается с трудом, а семантический анализ предикатных значений представлен рудиментарно. Вначале Сисоу заменяет понятие упорядоченности шкал понятием расстояния (*distance*), затем строит функционально-семантическую шкалу из 31 ранее выделенного значения в формате NeighborNet [Bryant, Molton 2003] и убеждает принять нелинейное, *n*-мерное представление функциональной шкалы, «поскольку значение / функция — очень сложный и многомерный объект» (с. 65). Затем строится формальная шкала, основанная на таком параметре, как длина глагола (в буквах) в парах «инхоативный глагол vs. каузативный глагол»². Семантическая валидность полученной «обобщенной шкалы», дающей корреляцию между длиной глагола в буквах и тэгами значений, включенными в изначальный набор из 31 значения (выделенных безотносительно к конкретному языку), осталась для рецензента загадкой, тем более что значение *KILL* ‘убивать’ по конвенциям анализа трактуется как каузатив к предположительному инхоативу *DIE* ‘умирать’, что с точки зрения семантики не лучшее решение. Если Сисоу предпочитает многомерные шкалы линейным, то для А. Л. Мальчукова одно- или двухмерное представление ТАМ-иерархии для актантов, получающих винительный и эргативный падеж, — в большей мере технический, нежели концептуальный момент (с. 288). Правда, Сисоу и Мальчуков оперируют шкалами разного типа. Скрытая полемика возникает и при обсуждении понятия маркированности, польза которого для типологии подвергается сомнению в гл. 2 на с. 10—11, в то время как в гл. 10, шкалы, основанные на понятии маркированности, признаются более полезными для типолога, чем шкалы, построенные на понятиях выделенности / индексирования и степени соответствия прототипу: утверждается, что применение шкал, основанных на понятиях прото-агенса и прото-пациенса, ср. работы [Hopper, Thompson 1980; Dowty 1991; Næss 2007], ведет к противоречиям (с. 277, 281).

В глазах многих лингвистов наших дней референциальные и функционально-семантические шкалы обладают большей притягательной силой, если претендуют на универсальность. Но проверять с точки зрения продуктивности и новизны модели, апеллирующие к понятию шкал, все равно приходится на конкретном языковом материале. В этом плане наиболее содержательный анализ, на наш взгляд, предложен С. Кайне и Г. Мюллером в гл. 5. Они вслед за М. Халле и А. Маранцем [Halle, Marantz 1994] принимают тезис о том, что окончательное построение морфологической структуры происходит уже после действия синтаксического компонента грамматики, а разобранное Дж. Айссен противопоставление признаковой падежной vs. беспризнаковой (нулевой) форм дополнения считают частным случаем выбора между разными морфологическими маркерами (с. 76). Если альтернативы двух ненулевых морфологических маркеров описывать в терминах тех же самых падежных фильтров, что выбор между структурным падежом и нулевой формой, дифференцированное падежное маркирование можно интерпретировать не как бинарный, а как скалярный механизм. Модель, где комбинации морфологических признаков понимаются как фильтры, способные блокировать приписывание того или иного падежа, совместима как с теорией оптимальности, так и с типологией. Авторы предлагают связное объяснение внешне разнородных случаев, таких как альтернативы эргативного и именительного падежей в хинди, маркирование неместоименных дополнений мужского рода в маннхеймском диалекте немецкого языка, распределение трех дативных маркеров в языке трумай, выбор между двумя маркерами предположительно одного и того же косвенного падежа в языке кавиненья и приписывание структурных падежей (именительный ~ винительный ~ родительный ~ паргитивный)

² Правильное определение класса непереходных глаголов, соотнесенных с каузативами, заслуживает отдельного обсуждения. Ярлык «инхоативный» в применении к фазовым глаголам типа *закрывать*ся, неудачен, поскольку расходится с употреблением этого термина в аспектологии и семантических исследованиях.

в финском языке. Такой анализ возвращает к традиционной грамматике, дополняя ее теорией морфосинтаксического интерфейса, что признают сами авторы главы на с. 125: «...on this view, Optimality Theory emerges as a theory of the morphology-syntax interface».

Из чтения других глав возникает ощущение, что мотивацией для их авторов, наоборот, было размежевание с традиционной грамматикой. Й. Троммер в гл. 6 соглашается признать эффектом морфологической иерархии лишь реализацию беспризнаковой формы (с. 132), а реализации внешне выраженных морфологических маркеров согласования относит к стадии «лексической вставки». Описание довольно громоздко, содержит апелляции к понятию иконичности (с. 152) и ряд допущений *ad hoc*. Главным достоинством этой главы, помимо обсуждения фактов нилотского языка туркана, является эксплицитно выписанный алгоритм «лексической вставки» (с. 164—168).

Я. Хаман в гл. 9 борется с референциальными шкалами как «идиосинкратическими объектами, привязанными к конкретному языку» (с. 249), деля их элементы на два подмножества — элементов с конкретной референцией (первичное Agree) и элементов с иным референциальным статусом (вторичное Agree). Предметом анализа служат языки с категорией версии, в том числе языки банту, где повышение актанта в грамматической иерархии часто связано с поверхностно-синтаксическим (линейным) перемещением. Поэтому Хаман распространяет на все случаи реализации категории версии стандартный для минимализма анализ пассива как перемещения в А-позицию (аргументную позицию). Добавление маркера версии происходит тогда, когда дополнение референциально более выделено, чем подлежащее. Автор предлагает считать этот механизм частным случаем теории падежа, где контролер операции (признак референциальной выделенности) может быть нелокальным. В перспективе самой минималистской программы проблема все равно не решена, так как Хаман утверждает, что в языках банту позиция SpecTP, куда продвигается инвертированный аргумент, является А-позицией, в то время как в других языках предположительно та же позиция считается А-штрих-позицией. К тому же, как признает на с. 269 сам автор главы, остается загадкой, почему признак «первичное Agree» способен вызвать перемещение в позицию SpecTP на левой периферии клаузы, а признак «вторичное Agree» — нет. Тем самым, проблема выделения разных контролеров морфосинтаксических операций в данной главе не решена, а лишь привязана к анализу в терминах структуры клаузы, многие детали которого из изложения неясны.

Авторы главы 8 П. Бискуп и Г. Цыбапов более толерантны к референциальным шкалам и делают попытку примирить их с хомскианской теорией фаз: интересующие их предложённые группы (а также *v*P, расширенная обложка глагольной группы, включающая, в том числе, группу приставочного глагола) считаются фазами. Возникает вопрос, что нового о приставочных глаголах в чешском и русском языках может сообщить такой анализ. Утверждается, что приставки и глагольные префиксы являются двухместными предикатами, и приставка может лицензировать дополнение, поэтому предложения типа русск. *Он доспал ночь* грамматичны, а предложения типа *Он спал всю ночь* — нет (с. 200). При приставочном глаголе, согласно авторам главы, всегда возникает требование заполнения семантической валентности, поэтому примеры типа **Он вписал свое имя* (уместные, например, в контексте общего вопроса) снабжены звездочкой; для того, чтобы примирить эти утверждения с интуицией, был бы желателен комментарий. Более общее замечание связано с условиями лицензирования безличных переходных конструкций при глаголах типа «забавлять», «напугать», ср. личную конструкцию (1), где авторы усматривают валентную рамку «экспериментер (ACC): пациенс (NOM)», ср. с. 199, 213, при невозможности (2).

(1) ЧЕШСКИЙ

Pavl-a bavi-l-a ta nová pohádk-a.
Pavel-ACC interested-SG.F the new story-SG.F.NOM

‘Павла заинтересовала новая сказка’ (гlossирование из источника. — А. Ц.).

(2) **Pavl-a bavi-l-o tu novou pohádk-ou.*
Pavel-NOM interested-SG.N the new story-SG.F.ACC

Представляется, что такая валентная рамка невозможна, а одушевленность дополнения и лексическая семантика глагола ментальной сферы типа ‘интересовать’, ‘напугать’ не являются достаточным основанием для введения роли экспериенцера; соответствующие конструкции удовлетворительно объясняются как каузативы ‘X заставил Y-а напугаться’. На момент выхода книги (2015 г.) уже имелись описания славянских и германских конструкций такого типа в терминах внешней каузации, при этом, как показано в [Zimmerling 2013; Lavine 2014; Zimmerling 2014], в позиции внешнего каузатора может оказываться как сен-тенциальный аргумент, так и нулевое синтаксическое подлежащее с ролевой семантикой.

Подытоживая изложенное, можно в целом согласиться с аннотацией на задней стороне обложки о том, что данная книга «продвигает понимание роли шкал и иерархий в лингвистических науках», хотя местами предлагает формализм к моменту выхода книги устарел или требовал более подробного обоснования. Книга, которую, учитывая сказанное выше, можно было бы озаглавить «Модулярная книга об иерархиях», достойна внимания лингвистов, а отдельные ее разделы могут использоваться в качестве справочника. Критиковать тематические сборники статей или коллективные монографии за то, что они обходят те или иные проблемы, не принято. Но в данном случае имеет смысл отступить от этого принципа в силу большого разброса тем при заявленной попытке полностью охватить область исследования. Книга с подобным названием выиграла бы от учета трех групп фактов:

1) Ни в одной из глав нет попытки обосновать различие механизмов вершинного и зависимостного маркирования; категории падежа и согласования обсуждаются в общем ключе, даже не упоминается о существовании класса языков с двойным маркированием.

2) При представлении языкового материала не приводится доказательств того, что альтернирующие падежные формы не являются алломорфами, термин «алломорфия» на страницах рецензированной книги вообще не встречается (по крайней мере, его нет в указателе).

3) Игнорируется релевантная для оценки эффектов иерархий и шкал проблема упорядочения клитик, в том числе, кластеризуемых клитик³.

Возможно, эти и другие проблемы найдут отражение в последующих тематических сборниках и справочниках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Aissen 2003 — Aissen J. Differential object marking: Iconicity vs. economy. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2003. Vol. 21. Pp. 435—483.
- Bickel 2013 — Bickel B. Distributional biases in language families. *Language typology and historical contingency*. Bickel B., Grenoble L. A., Peterson D. A., Timberlake A. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2013. Pp. 415—444.
- Bryant, Molton 2003 — Bryant D., Moulton V. Neighbor-net, an agglomerative method for the construction of phylogenetic networks. *Molecular Biology and Evolution*. 2003. Vol. 21. Pp. 255—265.
- Jiang, Billings 2015 — Jiang H., Billings L. L. Person-based ordering of pronominal clitics in Rikavung Puyuma: An inverse analysis. *Proceedings of the 21st annual meeting of the Austronesian Formal Linguistics Association*. Camp A., Stabile C., Tanaka N., Otsuka Y. (eds.). Canberra: Australian National Univ., 2015. Pp. 87—106.
- Dowty 1991 — Dowty D. Thematic proto-roles and argument selection. *Language*. 1991. Vol. 67. Pp. 547—619.
- Halle, Marantz 1994 — Halle M., Marantz A. Some key features of Distributed Morphology. *Papers on Phonology and Morphology*. Carnie A., Harley H., Bures T. (eds.). Cambridge (MA): MITWPL, 1994. Pp. 275—288. (MIT Working Papers in Linguistics, vol. 21.)
- Hopper, Thompson 1980 — Hopper P., Thompson S. Transitivity in grammar and discourse. *Language*. 1980. Vol. 56. Pp. 251—280.

³ Из свежих работ заслуживает внимание [Jiang, Billings 2015], где на материале атаяльских языков показано, что порядок кластеризуемых местоименных клитик может определяться исключительно референциально-дейктической иерархией.

- Keenan, Comrie 1977 — Keenan E., Comrie B. Noun Phrase accessibility and Universal Grammar. *Linguistic Inquiry*. 1977. Vol. 8. Pp. 63—99.
- Lavine 2014 — Lavine J. Anti-Burzio predicates: From Russian and Ukrainian to Icelandic. *Vestnik MGGU. Serija Philologia*. 2014. No. 1. Pp. 91—106.
- Mel'čuk 1995 — Mel'čuk I. *The Russian language in the Meaning ↔ Text perspective*. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1995. (Sonderband 39.)
- Næss 2007 — Næss Å. *Prototypical transitivity*. Amsterdam: John Benjamins, 2007.
- Silverstein 1976 — Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity. *Grammatical categories in Australian languages*. Dixon R. (ed.). Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1976. Pp. 112—171.
- Stump 2001 — Stump G. T. *Inflectional morphology*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001.
- Zimmerling 2013 — Zimmerling A. Transitive impersonals in Slavic and Germanic: Zero subjects and Thematic Relations. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»* [Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2013. Vol. 12 (19). Pp. 723—737.
- Zimmerling 2014 — Zimmerling A. Sentential arguments and event structure. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»* [Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2014. Vol. 13 (20). Pp. 710—727.